

— Что ты несёшь? — Сюй Сяочжэнь резко отпрянул, уворачиваясь от его руки, тянущейся к щеке. Смотрел прямо. Не отводя глаз.

У входа мерцал тусклый свет. Он отсекал лицо Гу Яня по диагонали: одна половина оставалась в тепле, другая — скрывалась в тени. И выражение невозможно было прочесть.

— Мог бы сделать вид, что ничего не произошло, — спокойно произнёс Гу Янь. — Мы бы жили как раньше. Но ты слишком упрям. Пока не станешь прежним — останешься рядом со мной.

Сяочжэнь замер. На долю секунды просто не поверил, что услышал правильно.

Он... всерьёз?

— Ты в своём уме? — прошептал он. — Думаешь, удержанием можно добиться любви? Думаешь, из этого что-то вырастет, кроме ненависти? Ты сам предал меня. Сам всё разрушил. А теперь хочешь, чтобы я снова тебя любил?

Он сделал шаг назад. Руки дрожали, но голос был чистый, как обострённый слух перед падением.

— Я действительно любил тебя, Гу Янь. Даже после того, как узнал о твоей помолвке. Хотел просто уйти. По-человечески. Без истерик. Без грязи. Но если ты всерьёз решишь запереть меня — знай: я возненавижу тебя. Не временно. Навсегда.

Он замолчал. В груди всё сжалось.

— Мне будет противно даже слышать твоё имя.

— Пройдёт, — отмахнулся Гу Янь. Его голос звучал беззаботно, почти буднично. — Через пару дней ты остынешь. Всё будет по-другому.

Сяочжэнь вдруг понял: он и правда ничего не понял. Не услышал ни одного слова. Он уже принял решение. И теперь просто действует.

Гу Янь шагнул вперёд и схватил его за запястье.

— Отпусти! — Сяочжэнь отшатнулся, врезался спиной в край дивана, вцепился ногами в пол, упираясь как мог. — Ты сошёл с ума!

Он пытался вырваться, но хватка была железной. Он рванулся, в отчаянии вонзил зубы в запястье — тот не дрогнул. Словно ничего не чувствовал. Тащил к окну.

Гу Янь окинул взглядом комнату, и уже другой рукой начал стягивать шнур с держателя штор.

Сяочжэнь смотрел на него, не веря. Это больше не было вспышкой. Это было решение.

Сюй Сяочжэнь понял, что происходит, и в панике начал вырываться. Когда Гу Янь потянулся, чтобы стянуть ему руки, он вонзил ногти в шею — до крови. На коже сразу выступили багровые полосы.

Боль была острой, неожиданной — хватка ослабла на долю секунды. Этого хватило. Сяочжэнь вырвался и бросился к двери. Но замок уже был заблокирован. Без отпечатка — не открыть.

Он дёргал ручку, бил по корпусу ладонями, пытался сбить систему — всё впустую. Никакой выход не работал.

Гу Янь догнал его. Схватил. Спокойно, уверенно. Как будто это всё — необходимость. Как будто другого пути не было. Верёвка скользнула по запястьям, потом по лодыжкам. Всё происходило быстро, точно. Он поднял Сяочжэня, закинул через плечо и понёс к лифту.

Они спустились в подземный паркинг. Тишина там была вязкая, глухая, словно в бункере. Гу Янь открыл заднюю дверь и бросил Сяочжэня на сиденье, как чемодан.

— Если тебе не нравится здесь, поедem в другое место, — сказал он. — Здесь слишком много посторонних. Я тоже не хочу, чтобы нам мешали.

Он активировал экран в машине, вывел список своих объектов. Прокручивал, будто выбирал номер в отеле.

— Вот, посмотри. Какой тебе больше нравится?

Говорил так, будто они вдвоём что-то решали. Будто всё это — игра, бытовая перепалка, из которой можно выйти с компромиссом.

Сюй Сяочжэнь не ответил. Он смотрел на него — ровно, неподвижно. Его взгляд был холодным, острым, как лезвие. Ни паники, ни страха. Только презрение. И что-то ещё — почти жалость.

Гу Янь отвёл глаза. В груди снова поднялась та самая боль, которую он пытался подавить. Стыдливо. Безуспешно.

Он ткнул пальцем в одну из вилок на экране.

— Вот эта. Вид хороший. Думаю, тебе понравится. Там большой подвал. Можно всё аккуратно разложить, удобно...

Он говорил сам с собой. Как человек, который пытается убедить себя, что всё под контролем. Что всё логично.

Он склонился ближе. Рукой притянул Сяочжэня за шею — и поцеловал.

В ответ — резкое движение. Укус. Не импульсивный, а целенаправленный. Кровь выступила сразу.

Гу Янь отпрянул. Замер.

Он не сразу понял, что произошло. Губы жгло, кровь капала на подбородок, по пальцам. Всё вокруг затихло. Даже воздух в машине казался неподвижным.

Он взял Сяочжэня за связанные руки и вытер ими кровь со своих губ. Кровь пропитала его пальцы и оставила пятна на одежде.

Гу Янь будто провалился в воспоминания:

— Раньше, стоит мне удариться, ты сразу переживал. А теперь... теперь ты спокойнорываешь меня на части.

Гу Янь говорил тихо, почти равнодушно:

— Ты ведь должен понимать. На ком я женюсь — не имеет значения. Это расчёт. Политика. Ты не должен стыдиться быть моим любовником. Это нормально. У нас так принято. Посмотри вокруг — сколько людей мечтали бы оказаться на твоём месте. Я на них даже не смотрю.

Сюй Сяочжэнь выдохнул сквозь сжатые зубы:

— Может, для них это и мечта. Но я — не один из них. И то, что ты называешь «нормальным», для меня — мерзость.

Он смотрел прямо, без эмоций.

— Найди себе кого-то, кому это подходит. Кто не будет задавать вопросов. Я тебе не подхожу. И тебе просто обидно, что я — тот, кто всегда молчал — вдруг посмел уйти.

Он замолчал на секунду, потом добавил:

— Это не про любовь. Это про твоё эго.

Считай, что ты надо мной наигрался. Что я тебе надоел. Так будет проще.

Гу Янь не ответил. Только завёл двигатель.

Сюй Сяочжэнь опустил голову на холодную кожу сиденья. Тишина внутри резонировала гулко, как в пустом помещении. Он говорил. Пытался достучаться. Но будто в стену. В пустоту.

Он не понимал — почему всё снова сводится к этому.

Ошибся Гу Янь. Но страдает он. Его держат силой. Ему закрывают двери.

Гу Янь... или всё-таки Чжоу Янь? Он хоть когда-нибудь любил его? Хоть немного?

Если ты любишь — разве можно так? Наверное, нет. Наверное, это никогда и не было любовью.

Если бы было — не держал бы его в тени. Не делал бы из него того, кого стыдно показать.

Только вот тогда — что это было? Там, в начале? Когда ему было восемнадцать. Когда всё казалось настоящим.

Или это тоже была иллюзия?

Может, всё сломалось, когда та память исчезла. Или, может, время всё размыло. Превратило когда-то любящего мальчишку в бездушного альфу, готового на всё ради карьеры.

Слёзы застилали глаза. Но сквозь них всё отчётливее проступал образ юного Чжоу Яня — того, настоящего:

— Чего так долго? Пошли домой.

— Сюй Сяочжэнь, ты такой дурак, что аж жалко!

— Мне не нравится — сам ешь.

— Ты вернулся... Почему так поздно?

Он стоял у школьных ворот, делал вид, что не ждал, хотя промок под дождём. Он держал его за руку. Он продавал свои часы, чтобы купить мазь. Он вступался за него, дрался с Чэнь Исунем. Он ждал его каждый вечер в крошечной комнате, называя её домом.

Когда-то он был любимым.

Сюй Сяочжэнь вспомнил стих, который учил в детстве: «Всё прекрасное недолговечно, хрупко, как стекло, и рассеивается, как цветные облака».

Чжоу Янь вырос. И стал Гу Янем — жестоким, холодным человеком.

...

Через два часа пути, когда небо уже начало светлеть, они наконец добрались до места.

Вилла стояла на вершине горы, окружённая густым лесом. Неподалёку блестело озеро. Пейзаж — словно с открытки. Но дорога — крутая, серпантинная, опасная. А над домом кружили дроны — незримый занавес, полностью отсекавший любые попытки к бегству.

Гу Янь вынес его на руках и запер в главной спальне на втором этаже. В доме царила пустота. Только пара безликих слуг, похожих на привидения, бесшумно скользили по комнатам.

В спальне, к изголовью кровати, крепилась металлическая цепь. Длиной около пяти-шести метров — ровно столько, чтобы можно было дойти до туалета и обратно.

Гу Янь защёлкнул замок на его щиколотке, убрал ключ, лишь после этого развязал руки.

От сопротивления в пути запястья Сяочжэня вспухли, на коже — ссадины, в двух местах содрана кожа.

Гу Янь принёс антисептик и начал обрабатывать раны. Делал это сосредоточенно, почти бережно. Черты лица — резкие, привлекательные. Он дул на повреждённую кожу, как делал когда-то, когда Сяочжэнь болел или падал.

На миг время словно свернулось. Черты восемнадцатилетнего Чжоу Яня проступали сквозь лицо нынешнего Гу Яня, накладывались одно на другое. Всё было как тогда, только уже не те чувства, не те люди.

Сяочжэнь не мог представить, что однажды между ними возникнет такая непримиримая вражда.

Тогда, в юности, он мог смеяться даже сквозь боль. Потому что был счастлив.

А теперь — даже лёгкая царапина, без капли крови, вызывала в нём лишь глухое онемение.

Он не хотел ненавидеть. Хотел разойтись мирно. Принять: люди меняются, чувства угасают. Пусть Гу Янь выбрал власть. Пусть любовь закончилась. Так бывает.

То, что он тайно готовил свадьбу — ранило.

Но то, что он его запер — породило ненависть.

У Сяочжэня было мало чего. Но свобода — была одной из немногих вещей, что он называл своими.

Он смахнул пузырёк с лекарством на пол. Стекло разбилось, жидкость разлилась. Гу Янь вздрогнул, гнев мелькнул на лице, но он сдержался. Скомандовал принести новое и бросил сдержанное:

— Ты только вредишь себе. Успокойся.

Сяочжэнь, глядя ему прямо в глаза, снова скинул флакон.

Гу Янь, привыкший управлять, бесился. Он ведь пытался быть "заботливым", как умел:

— Сюй Сяочжэнь! Хватит! Не перегибай! Я уже терплю, сколько могу!

В ответ — пощёчина. Звонкая, хлёсткая.

— Не надо терпеть. Хочешь — выкинь меня. Я сам найду дорогу обратно в университет.

Лицо Гу Яня дёрнулось в сторону. Это уже второй удар за день. Внутри всё закипало — злость, унижение, дикая фрустрация. Комната наполнилась тяжёлым, давящим феромонным запахом — все бы сразу поняли: рядом — опасный альфа на грани.

Он наконец понял: когда Сяочжэнь любит — он бережен, мягок, самоотвержен. А когда больше не хочет тебя — бьёт без колебаний.

Чёрное и белое. Всё или ничего.

Даже камень бы почувствовал, насколько он ему теперь чужой.

Гу Янь, весь из себя гордый и недоступный, просто не мог принять это. Он сжал челюсти, заставляя себя молчать. Сделал вид, что всё под контролем. Снова велел принести лекарство.

Ничего, Сяочжэнь вспыльчив. Пройдёт. Потом... потом он поставит метку — и всё вернётся на круги своя.

А удары... Что ж, пусть. Потом отыграется. В постели.

Он не ответил.

— Ты что, оглох? Или немой? — Сяочжэнь вновь занёс руку.

На этот раз Гу Янь перехватил её, сжал крепко:

— Подумай, малыш. Твоя жизнь в моих руках — она хрупкая. Не провоцируй меня. Будь умным.

Сяочжэнь не стал спорить. У него была ещё одна рука. Он ею и воспользовался. Вторая пощёчина — в другую щёку. Идеальная симметрия.

Гу Янь на секунду замер. А потом... усмехнулся. Но не весело. А как зверь, прижатый к стене.

Сяочжэнь не мог понять — что у него в голове?

— Всё из-за учёбы, да? — вдруг спросил Гу Янь. — Ты волнуешься, что не сможешь сдать? Не переживай. Я всё устроил. Экзамены сдашь дома. Учёбу не пропустишь. Всё будет, как надо.

Он сам для себя нашёл объяснение. Придумал причину, по которой Сяочжэнь его ударил, — и всё встало на свои места.

Нет, их отношения не разрушены. Нет, Сяочжэнь не перестал его любить.

Он смотрел на него, ожидая увидеть в лице хоть тень смягчения. Хоть слабый проблеск. Но нет — лицо оставалось каменным, холодным.

Наконец, дойдя до предела, он встал, вышел из комнаты и даже аккуратно прикрыл за собой дверь.

Спустя секунду снизу послышался грохот. Бьющиеся стеклянные вазы, ломающиеся стулья, падающая мебель. Он крушил всё подряд — не щадя ни фарфора, ни дерева, ни стен.

Это продолжалось больше двадцати минут. Видимо, пока не закончилось всё, что можно было разбить.

Сяочжэнь сидел у кровати, прислонившись к спинке. Усмешка искривила губы. Он знал. Знал, что Гу Янь не изменился — всё, что не мог выплеснуть на него, он вымещал на вещах. На ком угодно, только не на себе.

Интересно, сколько пройдёт времени, прежде чем он устанет от него, теперь, когда тот перестал быть покорным?

Гу Янь тем временем звонил врачу. Приказал ускорить процесс. Сяочжэнь должен пройти операцию на железах. Немедленно.

Он не мог больше терпеть ни минуты такой жизни.

Чэнь Баочжу отправил ему место и время встречи. Гу Янь приехал поздно, с лицом, как грозовая туча.

На глазах у всех, не говоря ни слова, он схватил Чэнь Баочжу за горло и сжал. Тот вырвался лишь после нескольких секунд и рухнул на пол, задыхаясь, с посиневшей шеей.

Все оцепенели.

Чэнь Баочжу, задыхаясь, с ужасом глядя вверх, хрипел:

— Янь... Ты... Ты с ума сошёл? Как ты мог... так со мной...

Гу Янь не моргнул:

— Напомнить тебе, что ты сделал? Или сам додумаешься? Кто тебе дал право приближаться к нему? Кто позволил лезть туда, куда не звали? Запомни, своё место! Держись подальше! Он — ****мой****. Я сам с ним разберусь.

У Чэнь Баочжу лицо горело — и от боли, и от унижения. Гнев и зависть сжигали изнутри.

Из-за этого беты?.. Из-за этого ничтожного беты он позволил себе так опозорить его — перед всеми! Разве Чэнь Баочжу не должен иметь право поставить на место любовника? Он ведь вот-вот станет официальным супругом Гу Яня!

Но, как бы ни жгла зависть, как бы ни закипала злоба, он проглотил всё. Выдавил из себя приличную улыбку:

— Понял. Прости. Больше такого не повторится.

Чэнь Баочжу был готов потерпеть. Совсем немного. Подписать бумаги — и всё. Как только брак будет оформлен, семьи Чэнь и Гу сольются в один монолит, взаимовыгодный союз. После этого — даже если Гу Янь захочет развода, его семья вряд ли позволит. А тогда... тогда выкинуть любовника будет вопросом времени. Кто посмеет ему перечить?

Гу Янь кивнул едва заметно. Только после этого разрешил ему сесть — примерять кольцо.

Дизайнеры, видевшие только что, как Чэнь Баочжу душили, были в ужасе. Подходили к нему, как к тигру, принося коробку с кольцами на подносе, не смея ни дышать, ни смотреть в глаза.

Он открыл бархатный футляр и взглянул на кольцо, уже надетое на его палец. Помолчал. Потом заговорила одна из дизайнеров:

— Господин генерал... Может, снимите кольцо с безымянного пальца? Или хотя бы... наденьте на другую руку?

Она заметила, как он нахмурился, и спешно добавила:

— Просто... кольцо на безымянном — это место для обручального. Если вы примеряете кольцо с господином Чэнь...

Гу Янь молча провёл пальцем по старому кольцу — простое, грубое, из потускневшего серебра. Какая-то мелочь, и не стоило бы цепляться... но всё равно не хотелось снимать.

Он всё же стянул его. Примерил новое кольцо. По очереди на все пальцы. Ни один не подошёл. Только безымянный — левый — кольцо село идеально.

Правая рука, рабочая, вся в мозолях, пальцы грубее, толще.

Он положил старое кольцо на стол. И натянул новое.

Село чётко. Хотя и не то, что заказывали.

Гу Янь раздражённо выдохнул. Сколькими пустяками приходится заниматься самому...

Чэнь Баочжу надел кольцо, улыбаясь так, словно ничего и не было. Он весело положил их руки

рядом, сделал снимок и тут же выложил его в соцсети.

— Зачем ты это выкладываешь? — с явным недовольством спросил Гу Янь.

— Чтобы показать, что у нас всё хорошо. Так всем будет спокойнее — и тебе, и мне, — спокойно объяснил Чэнь Баочжу.

Гу Янь нахмурился, но потом чуть смягчился. Он проглотил раздражение и нехотя согласился — объяснение звучало разумно.

Чэнь Баочжу, видя, что тот не возражает, с ещё большей теплотой приобнял его, заговорил о помолвке, о планах на свадьбу в следующем году.

Гу Янь выдернул руку, досада скользнула по лицу, но он остался слушать. Внимание его скользило мимо — всё это было скучно, безжизненно. Если бы не давление родителей с обеих сторон, он бы просто расписался и ограничился коротким сообщением для прессы.

Возможно, из чувства вины он провёл с Чэнь Баочжу больше времени, чем обычно. Сидел с ним до самого заката, пока из штаба не пришёл срочный вызов — и он, не прощаясь толком, поспешно уехал.

Чэнь Баочжу не растерялся. Подготовленные фото уже расходились по СМИ, создавая красивую картинку — гармоничные, влюблённые, идеальная пара.

...

Власть — вещь соблазнительная. Сюй Сяочжэнь думал, что по приказу Гу Яня ему просто включают запись лекций или пришлют преподавателей домой. Но всё оказалось куда серьёзнее — профессоров привозили лично.

Каждый вечер его освобождали от цепей. Под вниманием десятка слуг и охраны он слушал лекции: профессора повторяли материал дня — то, что объясняли утром студентам в университете.

Иногда Гу Янь тоже присутствовал, но держался на расстоянии, словно не хотел сталкиваться с ледяным взглядом Сюй Сяочжэня.

Старый профессор права, когда-то уже отказывавшийся от занятий с ним, теперь лишь неловко переглядывался с бывшим студентом.

Занятия в мини-группе один на один избавляли Сюй Сяочжэня от страха быть осмеянным или сбивать других с ритма.

Он воспользовался этой возможностью сполна — спрашивал всё, что раньше боялся или не успевал, и впитывал знания с поразительной скоростью. Он ведь не настолько глуп, чтобы наплевать на учёбу.

Сегодня Гу Янь не пришёл. Как только занятие закончилось, Сюя тут же отвели в комнату и снова заперли.

Слуги здесь были как автоматы. Пока он чётко не приказывал: «принесите воды», «я хочу поесть», — его слова игнорировали. Молчание — как стена.

Учёба ещё не окончена. И пока Гу Янь сам не отпустит его или кто-то с ещё большей властью не вытащит отсюда, бежать смысла нет. Даже если сбежит — ему останется только прятаться, забыть об учёбе и о нормальной жизни. Он не сможет больше появляться открыто. Ставка слишком высока. Он всё обдумал. Побег — не выход.

Гу Янь, вероятно, был в себе уверен, раз даже не отобрал у него устройства. Сюй Сяочжэнь всё ещё имел доступ в интернет.

Он даже мог вызвать полицию.

Но это было бесполезно. Гу Янь предупредил его об этом с первого дня.

Сюй не поверил. Уже в первую ночь подал сигнал — дозвонился до полицейского участка. Ответил ленивый мужской голос:

— Алло?

— Я в плену. Адрес: вилла у горы, Мингуанлу, дом 99...

Трубку повесили сразу, как только слышали адрес. Даже не стали переводить вызов в местный участок Мингуанлу.

Сюй не сдавался. Звонил снова и снова несколько дней подряд. Кто-то вешал трубку при слове «адрес», кто-то — когда он диктовал номер удостоверения личности.

В идентификационном номере граждан Империи первые две цифры обозначают регион, третья и четвёртая — пол. В духе пресловутого «джентльменства» и приоритета омег, женщинам-О достаётся код 01, мужчинам-О — 02...

И далее по порядку.

Номер удостоверения Сюй Сяочжэня начинался с 1806 — восемнадцатый сектор, мужчина-бета. У Гу Яня — 0104.

Лучшее, на что он мог рассчитывать — это когда после его звонка кто-то из районной полиции приезжал, громко спрашивал с улицы, всё ли в порядке. Узнав, чья это собственность, осторожно кивал и уходил. Даже в дом не входили. Ни обысков, ни проверок. Всё "в порядке".

Потом его вызовы вообще перестали проходить. Видимо, его номер попросту внесли в чёрный список.

Власть — да, великая штука.

Сюй Сяочжэнь откинулся на кровать и потер воспалённые, сухие от напряжения глаза. После этого видеть стало легче.

На проекционном экране одна за другой всплывали новости. Он просматривал каждую.

Пока не открыл последнюю.

«Генерал-лейтенант Гу Янь и сын главы Имперской Торговой Палаты: дата свадьбы назначена. Станут образцовой парой».

Он должен был сразу закрыть это.

Но пальцы дрогнули — он нажал.

Одна за другой стали всплывать фотографии.

Он думал, что уже ненавидит Гу Яня. Что все чувства выжжены этим пленом. Но почему тогда текут слёзы?

Ночь выдалась тяжёлой. Он не мог ни работать, ни думать. Только пробежался по черновику курсовой, внёс мелкие правки — и выключил свет.

Он надеялся, что в эту ночь, если и проснётся от слёз, то хотя бы не от рыданий.

Возможно, из-за того, что Гу Янь несколько дней не приближался к нему. А может, дело в спокойствии, с которым Сюй Сяочжэнь стал относиться к учёбе и еде — создавалось ощущение, что он смирился.

Посреди ночи матрас прогнулся — кто-то лёг рядом. Горячее тело прижалось к спине, обняло.

Сюй тут же проснулся, как током ударило. Перевернулся и резко вырвался из объятий.

За исключением месяца учений, каждую ночь Гу Янь засыпал, обнимая Сюй Сяочжэня. И вот теперь, зная, что тот в соседней комнате, а самому приходилось лежать в одиночестве, сон стал урывочным, беспокойным.

Сюй Сяочжэнь выглядел смирившимся. Наверное, Гу Янь подумал, что теперь его не будут бить. И потому, посреди ночи пробрался к нему в постель. Не ожидал, что тот всё ещё будет так яростно его отвергать.

Сюй включил свет, потянулся за стаканом на тумбочке, но взгляд расплывался, и он дважды промахнулся, прежде чем упал с кровати.

Гу Янь тоже понял, что что-то не так. Он сразу перевернулся и подхватил его на руки. Лицо перед глазами было расплывчатым, черты — неразличимы.

Состояние хуже, чем в те годы, когда он сдавал вступительные. Хотя с тех пор зрение и стало лучше, но почему теперь — снова так?

Сюй Сяочжэня охватила паника. Он боялся ослепнуть. А если его отчислят? Как он тогда будет жить сам?

Последние дни Гу Янь не приближался к нему, не разглядывал вблизи. Только теперь заметил — глаза Сюя словно покрыты тонким голубым туманом. Карие зрачки поблекли, взгляд рассеян, не фокусируется.

— Сяочжэнь! Что с тобой?! — Гу Янь был в панике. — Доктора! Быстро врача сюда!

Босиком он распахнул дверь и закричал вниз по лестнице.

Огни в доме один за другим загорались. Слуги и управляющий бросились в движение: кто-то вызвал врача, кто-то нёс лёд, грелки, компрессы — всё подряд, таща наверх.

Опробовали всё: холод, тепло — почти безрезультатно.

Сюй был в таком шоке, что даже не заметил, как прижался к Гу Яню. Глядя на дрожащие пальцы, он пробормотал:

— Я ничего не вижу... Бесполезно...

И впервые Гу Янь по-настоящему испугался.

Всё, что он выстраивал, рассыпалось в одно мгновение. Что с ним? Что это за болезнь? Он умрёт?

Что будет, если он умрёт?

Горячее тело Гу Яня тут же стало ледяным. Он прижал Сюя к себе, пальцы дрожали, вцепились в пакет со льдом так сильно, что ладони посинели, но он не чувствовал.

— Всё хорошо, всё хорошо, — твердил он, — я найду тебе лучших врачей. Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

<http://bllate.org/book/14462/1279175>